

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-34
ББК 82
С42

С42 Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 644 с.

ISBN 978-5-458-24744-3

Научное издание фольклора азиатских эскимосов, чукчей, кереков, коряков, ительменов.

ISBN 978-5-458-24744-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ственных формаций не в застывшем виде, а в развитии, выполняя свои функции художественного отражения явлений реальной жизни. Все эти свойства характерны в равной мере для фольклора народностей чукотско-камчатского региона.

Непосредственное и многовековое соседство азиатских эскимосов с чукчами, их непрерывающиеся культурно-экономические связи, обусловленные взаимозависимостью исторически сложившегося хозяйственно-производственного комплекса (оленьеводство и морской промысел)², значительной общностью элементов духовной культуры³, эскимосско-чукотским билингвизмом (со стороны эскимосов)⁴, и, как следствие, неизбежные явления этнической ассимиляции (особенно в результате имевших место брачных союзов между приморскими чукчами и эскимосами) — все это оказало несомненное воздействие на развитие общих черт различных видов самобытного искусства у этих разноязычных народностей, в том числе на развитие сходных и общих жанров устного повествовательного творчества позднего периода. Образовалась своеобразная непрерывная цепь некоторых общих сказочных циклов (сказания о вороне, сиротке, женщине — создательнице людей и животных, брачных союзах людей с животными, мифы о других мирах и т. д.), связующим звеном (но не источником) которой в силу исторических причин и географических условий стал чукотский фольклор. Эту цепь взаимодействия устного художественного творчества чукотско-камчатских народностей можно изобразить следующим образом:

азиатские эскимосы ↔ чукчи ↔ керекы ↔ коряки ↔ ительмены

Данная схема не означает замкнутости цепи: фольклор каждой из контактирующих народностей в разное время взаимодействовал с фольклором других родственных или неродственных по языку соседних народностей. Так, азиатские эскимосы до 30-х годов текущего столетия, кроме чукчей, имели постоянные связи с аляскинскими эскимосами, а последние, в свою очередь, — с канадскими эскимосами и северными индейцами; чукчи общались кроме эскимосов и коряков с керекями, юкагирами, якутами, частично с эвенгами; коряки, кроме чукчей и ительменов, — с керекями, эвенгами; ительмены, кроме коряков, со стороны моря могли общаться с островными народностями — айнами, и т. д. Исторически не засвидетельствованы контакты крайних звеньев цепи — эскимосов и ительменов, однако взаимодействие устного творчества их опосредствованно осуществлялось через чукотско-корякский массив.

Отмеченные явления исторического взаимодействия культур родственных по языку чукотско-камчатских народностей с культурой иноязычных азиатских эскимосов позволяют рассматривать устное творчество всего чукотско-камчатского региона в совокупности. Это, однако, не исключает

² Вдовин, 1948.

³ Вдовин, 1961.

⁴ Мелетинский, 1959, стр. 90; Меновщиков, 1970.

выделения локальных особенностей фольклора каждой народности, поскольку в ранних образцах эскимосских мифических преданий прослеживаются несомненные черты древнего общеэскимосского творчества, а в чукотско-корякско-ительменских — особенные черты собственно чукотско-камчатского творчества.

Собрание устного художественного творчества народностей Чукотки и Камчатки уже в начале XX в. привлекло внимание таких крупнейших исследователей их культуры и языков, как В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. Они записали и опубликовали значительное количество текстов чукотского, азиатско-эскимосского, корякского и ительменского фольклора. (Здесь и далее сведения о трудах упоминаемых авторов см. в Списке литературы, стр. 638—641).

Большое количество текстов на родных языках этих народностей в советский период записали П. Я. Скорик, Л. В. Беликов, Ф. Тынэтэгын, П. И. Ииэнликэй, В. Ятгыргын (чукотский фольклор); Е. С. Рубцова, Г. А. Меновщиков (фольклор азиатских эскимосов); С. Н. Стебницкий, И. Баранников, К. Кеккетын, Л. Жуков, Х. Нутэвы, И. С. Вдовин, Н. А. Богданова, А. Н. Жукова (корякский фольклор); Е. П. Орлова, А. П. Володин, Н. К. Старкова (ительменский фольклор), В. В. Леонтьев (керекский фольклор). Часть собранных материалов опубликована на родных языках носителей с подстрочными переводами, часть — в русском переводе, значительное число текстов находится в личных архивах собирателей⁵.

Для более или менее полной характеристики жанров и сюжетов фольклора палеоазиатов Чукотки и Камчатки существенно недоставало нового текстового материала, особенно по корякскому и ительменскому фольклору. Разрозненные и далеко не полные публикации его в разное время осуществлялись в специальных изданиях для местных нужд или для специалистов-лингвистов, поэтому не были доступны широкому кругу фольклористов и любителей устного народного творчества.

Этот пробел восполнен новыми записями, осуществленными советскими лингвистами и этнографами, а также переводами на русский язык ряда ительменских текстов В. И. Иохельсона, впервые опубликованных полностью в 1961 г. Д. Уортом (*Kamchadal texts*).

Включение в настоящий сборник части переводов ительменских текстов, записанных В. И. Иохельсоном, оказалось необходимым в связи с недостаточностью нового материала для характеристики ительменского вороньего цикла. При этом следует заметить, что В. И. Иохельсон кроме обширных записей текстов ительменского фольклора собрал и опубликовал в 1905 г. на английском языке 130 текстов корякских сказок, в которых многосторонне отражается мифологическая основа корякского вороньего цикла.

⁵ В данный сборник включены только переводы текстов, записанных специалистами на родных языках рассказчиков.

В связи с достаточным количеством корякских текстов, записанных в советский период, мы нашли возможным не включать в данный сборник опубликованные на английском языке переводы корякских текстов В. И. Иохельсона. Вместе с тем составители считают, что уникальное собрание корякских мифов, собранных В. И. Иохельсоном, как и его теоретические исследования по корякскому и ительменскому фольклору, представляют большую научную ценность для советской фольклористики и должны быть изданы на русском языке (см. в Списке литературы сведения о трудах В. И. Иохельсона по корякскому фольклору).

По классификации Шренка, в настоящее время уже устаревшей, к группе палеоазиатских народностей были отнесены также изолированные в языковом, территориальном и культурно-историческом отношении юкагиры (Якутия, частично Чукотка), амурские и сахалинские нивхи, а также кеты, населяющие притоки Енисея. Фольклор этих народностей, за немногими исключениями, имеет отличные от чукотско-камчатского региона основы и традиции, поэтому образцы его не включены в настоящее собрание.

Включенные в настоящий сборник тексты дают достаточное представление об общих типологических особенностях основных жанров и циклов фольклора аборигенов Чукотки и Камчатки в целом и о специфических чертах фольклора каждой народности в отдельности.

При переводе текстов с палеоазиатских языков на русский переводчики стремились сохранить по возможности специфические черты языка и стиля, присущие каждой народности, не нарушая в то же время грамматических и стилистических норм языка перевода.

Большое влияние на формальное выражение и содержание текста имели и такие факторы, как время записи подлинника, мастерство, возраст и грамотность рассказчика, жанр произведения. Образцы устного творчества палеоазиатов, записанные от неграмотных рассказчиков в начале текущего века, в ином стиле рассказываются в настоящее время. И когда в тексте древней чукотской сказки мифологического содержания о брачном союзе медведицы и человека современный рассказчик говорит: «стал народ со-
стяжаться на пятьдесят километров», то эту деталь нельзя опустить при переводе текста, поскольку она относится к качественно новым представлениям палеоазиатов о категориях пространства, времени и других явлениях действительности.

Проблемы классификации жанров палеоазиатского фольклора, исторических закономерностей их развития и изменения, взаимодействия отдельных жанров фольклора контактирующих народностей, места того или иного жанра в устном творчестве каждой народности в отдельности далеко еще не решены, хотя частично и поставлены в работах отдельных исследователей. В этом отношении следует указать в первую очередь на труды по чукотскому, корякскому, ительменскому и эскимосскому фольклору основоположников палеоазиатоведения В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона, которые были

не только собирателями и переводчиками, но и первыми толкователями жанров, сюжетов и связей этого фольклора с фольклором других народностей азиатского и американского Севера, а именно с фольклором мифологического содержания разных территориальных групп эскимосов (Аляски, Канады, Гренландии), многих племен северо-западных индейцев, тунгусо-маньчжуров, тюрко-монголов, остяков, гиляков, юкагиров и т. д.

В советское время отдельным вопросам структуры, происхождения и бытования некоторых видов чукотской сказки были посвящены статьи А. И. Никифорова и В. Я. Проппа. Интересное и тонкое филологическое исследование зарождавшейся в начале 30-х годов на основе фольклора корякской художественной литературы осуществил известный советский этнограф и лингвист С. Н. Стебницкий, который в своей большой статье «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература», написанной в 1941 г. (к сожалению, неопубликованной), выделил три основных жанра устного художественного творчества коряков («фольклор мифологический», «фольклор исторический», «фольклор бытовой») и показал фольклорную основу молодой художественной литературы, создаваемой первыми писателями-коряками.

Специальным исследованием основных видов устного народного творчества чукчей явилась работа Л. В. Беликова «Основные виды устного народного творчества чукчей». Вслед за этой работой появился ряд его статей по характеристике отдельных жанров чукотского фольклора, в которых нашли отражение и некоторые теоретические вопросы фольклора чукчей, эскимосов и коряков в целом. В конце 50-х — начале 60-х годов появились в печати сравнительно-типологические исследования Е. М. Мелетинского по происхождению героического эпоса и волшебной сказки, в которых автор широко использовал имевшийся к тому времени материал палеоазиатского фольклора Чукотки и Камчатки.

Классификация жанров устного народного творчества палеоазиатов Чукотки впервые была предпринята В. Г. Богоразом⁶. Основное внимание В. Г. Богораз уделил выделению и характеристике жанров чукотского фольклора.

В. Г. Богораз выделяет следующие основные жанры чукотского устного творчества: 1) рассказы «космогонического и мифологического» содержания; 2) сказки о чудовищах кэ́ле; 3) шаманские рассказы; 4) бытовые сказки; 5) предания о войнах чукчей с соседними племенами и пришельцами-русскими; 6) сказки о животных; 7) заговоры; 8) песни. 2, 3 и 4-й виды сказок В. Г. Богораз объединил в один отдел.

К рассказам космогонического и мифологического содержания В. Г. Богораз относит сказания о сотворении мира, солнца, луны, звезд, различных животных, человеческого рода, рассказы об устройстве вселенной, о различ-

⁶ Богораз, 1900; 1936; 1919.

ных божествах, звездной системе и т. д. Ко второй группе он относит сказки о чудовищах (духах) кэ́ле, шаманские рассказы и некоторые бытовые рассказы, «где фантастический элемент играет второстепенную роль». К третьей группе — исторические предания («времен раздоров вести») о борьбе чукчей с соседними племенами, главным образом с таньгами и айванами (под таньгами-иноплеменниками подразумеваются коряки, юкагиры, русские, под айванами — эскимосы). Особо выделяются им сказки о животных, а также разделы заговоров и песен, которым он дает соответствующую филологическую и этнографическую характеристику⁷. Классификация В. Г. Богораза в основном сохраняет значение и в настоящее время.

Л. В. Беликов при классификации устного творчества чукотского народа по жанрам учитывает «многовековую путь их (чукчей) социально-экономического развития от неолитической охоты на оленя и первобытнообщинного строя к общественному разделению труда и зачаткам социальной дифференциации...» Исходя из этой методологической предпосылки и принимая во внимание имеющийся фактический материал по чукотскому фольклору, Л. В. Беликов выделяет следующие его основные виды (жанры): «1) космогонические предания, т. е. рассказы мифологического характера о происхождении мира, светил и человека; 2) обширный цикл сказок о животных и 3) героические сказания о богатырях». Далее он выделяет жанр «архаических сказок, проникнутых фантастикой мифологического характера, — это сказки о злых чудовищах кэ́ле и сказки о приключениях героя в стране белых медведей». Кроме того, автор отмечает раздел шаманских повествований, отражающих «языческие религиозно-обрядовые представления чукчей»⁸.

Отдельно от героических сказаний Л. В. Беликов рассматривает исторические рассказы, «отразившие военные столкновения чукчей с казачьими отрядами капитана Павлуцкого в XVIII веке». К более поздним жанрам он относит сказки о сироте, «проникнутые ярким социальным содержанием». Из других жанров им отмечаются заговоры, песни и в зачаточной форме — пословицы и поговорки. К основным и наиболее распространенным жанрам чукотского фольклора Л. В. Беликов относит «космогонические предания, сказки о животных и героические сказания», которые раскрывают характерные черты устного повествовательного творчества чукчей⁹.

Особый интерес представляют исследования Л. В. Беликова в области жанра героических сказаний, впервые выделенного им в чукотском фольклоре, и жанра сказок о животных. Филологический анализ и классификация основных жанров и видов этого фольклора представлены в канди-

⁷ Богораз, 1900, стр. IV—XXXIV.

⁸ Беликов, 1960, стр. 281.

⁹ Там же, стр. 282.

датской диссертации Л. В. Беликова и в ряде статей, написанных им на основе этой диссертации и опубликованных в последующие годы ¹⁰.

Е. М. Мелетинский к первой жанровой категории сказки относит «предания о событиях мифической эпохи, предшествующей современному состоянию мира» ¹¹. Главным персонажем этих преданий выступает культурный герой — творец мира, света, огня, человека, животных, рельефа местности и т. д.

В роли культурного героя «преданий о событиях мифической эпохи» в фольклоре палеоазиатов выступают такие персонажи, как ворон, создающий живой и неживой мир, брат и сестра, попадающие на небо и создающие дождь и грозу, человекоподобный творец, живущий на небе и регулирующий жизнь земных существ.

Ко второй жанровой категории относятся рассказы, действие которых происходит в то время, когда миропорядок уже был прочно установлен ¹². В этом жанре героем выступает чаще всего безымянный «один человек», ведущий жизнь обыкновенного охотника, или женщина, попадающая в сложные жизненные ситуации. Безымянный герой (или героиня) в сказках этого вида еще не выделяется из первобытнообщинного коллектива и представляет обобщенный образ его члена. Здесь судьба героя (героини) зависит от разных вредоносных существ (кэ-ле, тунгаков, великанов, «хозяев» различных объектов и явлений природы), с которыми герой борется при помощи волшебных помощников, ниспосланной ему чудесным образом магической силы, собственной смекалки и ловкости. Сказки подобного вида Е. М. Мелетинский называет «мифами-быличками» ¹³. Привлекая сравнительный материал по фольклору различных народностей крайнего северо-востока Сибири и Северо-Западной Америки, автор приходит к некоторым наблюдениям и выводам о характерных чертах палеоазиатского фольклора древнейшего периода, хотя и не ставит перед собой цель систематической классификации его жанров в целом.

Вопросы классификации жанров корякского повествовательного фольклора впервые были поставлены в начале 40-х годов С. Н. Стебнищим, который подразделял этот вид устного творчества коряков на три основных жанра: 1) фольклор мифологический, 2) фольклор исторический, 3) фольклор бытовой. «Мифологический фольклор», — отмечал С. Н. Стебницкий, — наиболее богат и разнообразен, но при всем разнообразии он представляет собой единый цикл мифов о Вороне-творце, общий для всех палеоазиатских народностей чукотской группы (чукчей, коряков, ительменов) и свойственный также эскимосам. Бытовой фольклор значительно беднее, он содержит по преимуществу рассказы о хозяине — бога-

¹⁰ Беликов, 1956.

¹¹ Мелетинский, 1958; 1963.

¹² Мелетинский, 1958, стр. 8—9.

¹³ Там же, стр. 11.

том оленеводов и работники, оленном батраке. Исторический фольклор содержит описание войн. В преданиях чавчуменов (коряков-оленьеводов) описываются по преимуществу войны коряков с чукчами. В преданиях апукинцев и алуторцев (северо-восточные группы оседлых коряков) — также войны с чукчами, но наряду с ними также и межплеменные войны — войны оседлых коряков с коряками-оленьеводами...»¹⁴.

К мифологическому фольклору С. Н. Стебницкий относит мифы, сказания и сказки о животных¹⁵, в том числе корякские и ительменские сказки о вороне Кутхе — Куткыннеку¹⁶.

Далее С. Н. Стебницкий отмечает, что в мифологическом фольклоре коряков находят яркое отражение картины духовной и материальной культуры древних коряков, сведения о типах жилища, постройках-укреплениях и т. д. Исследование С. Н. Стебницкого о корякском фольклоре является ценным вкладом в изучение устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки в целом.

Вопросы классификации жанров ительменского и керекского фольклора решались лишь частично в сравнительно-типологическом плане, но специально не ставились. Фольклор и язык маленькой народности керек до последнего времени оставались почти неизученными. Специальное изучение истории, языка и культуры керек по-настоящему было предпринято лишь в послевоенные годы¹⁷. В середине 50-х годов П. Я. Скорик удалось записать три текста. Несколько текстов в 1969 г. записала В. И. Иунэвут, из которых один представлен в настоящем сборнике. В 1971 г. В. В. Леонтьев записал и перевел восемь текстов. Язык и духовная культура керек уже в начале текущего века подверглись интенсивной ассимиляции со стороны чукотского населения. Этот процесс ассимиляции особенно быстро протекал в последние 40—50 лет, в результате чего керек, исключая несколько семейств, утратили свой родной язык и стали говорить на чукотском.

Классификация жанров устного повествовательного творчества азиатских эскимосов проводилась впервые в связи с публикацией переводов сказок азиатских эскимосов¹⁸. Эта классификация имела скорее методический характер (в целях последовательности подачи материала по жанрам и сюжетам), но не претендовала на какую-либо полноту и научную точность.

Для азиатских эскимосов были выделены следующие жанры: волшебные сказки и мифы, героические сказания, бытовые сказки и рассказы,

¹⁴ Стебницкий, 1941, стр. 106—107.

¹⁵ Там же, стр. 142.

¹⁶ Там же, стр. 147.

¹⁷ П. Я. Скорик, Керекский язык, — «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 310—333.

¹⁸ Эск. ск.; Эск. ск. и лег.

сказки о животных¹⁹. В отделе волшебных сказок и мифов представлены три вида (жанра) сказок: космогонические предания о миротворчестве, волшебные сказки о борьбе человека с вредоносными существами, сказки о похождениях шаманов. Термин «волшебные сказки» принят условно и не означает традиционного понимания его в духе, например, русской волшебной сказки. Героические сказания посвящены борьбе сильных и отважных людей с таннитами-иноплеменниками, захватчиками и обидчиками. В бытовых сказках и рассказах повествуется об обыденных ситуациях и реальных событиях, оставивших след в памяти народа и закрепившихся в его устной традиции. Фантастика здесь уступает место реальному изображению жизненных ситуаций. В борьбе с обманщиками и угнетателями герою помогают не чудесные силы и чудесные превращения, а ум, находчивость, физическое превосходство и отвага.

Многие сказки о животных восходят к древним тотемным мифам и мифам о культурных героях. Герои сказки — звери, птицы, насекомые постоянно заняты поисками пищи, подобно людям они ведут свое хозяйство, имеют орудия охоты, оленей, лодки, человеческое жилище, одежду и т. д. У азиатских эскимосов кроме отмеченных жанров устного художественного творчества имеются также песни (танцевальные песни и песни-импровизации) и заговоры, не отмеченные ранее в нашей классификации, но в значительном количестве зафиксированные собирателями.

Сказки (любого жанра) и предания эскимосы называют термином у н и п а г а н (рассказ о действительных событиях), у н и п а м с ю к (весть, новость), у н и п а к (все три термина от глагольной основы у н и п а — «рассказывать»), танцевальные песни — термином т у к а г а н, песни-импровизации (со словами) — термином и л а г а н.

Основные жанры фольклора азиатских эскимосов мы рассматриваем не изолированно, а в тесном взаимодействии с фольклором чукчей и других палеоазиатов, с которыми у первых существовала длительная культурная связь.

Тесные многовековые культурные (социальные, духовные) и экономические контакты азиатских эскимосов с приморскими и кочевыми чукчами создавали необходимые условия взаимной проницаемости элементов культуры. Этот процесс взаимодействия культур непосредственным образом отразился на развитии и бытовании устного художественного творчества аборигенов Чукотки. Вместе с тем в эскимосском фольклоре сохранились и свои самобытные элементы мифологических преданий, относящихся к глубокой древности, к эпохе, когда азиатские эскимосы составляли неотъемлемую часть общеэскимосского этнического коллектива, т. е. до образования территориально изолированных друг от друга групп эскимосов. Эти элементы эскимосской мифологии обнаруживаются, например, при сравнении некото-

¹⁹ Эск. ск. и лег., стр. 10—19.

рых сюжетов фольклора азиатских эскимосов и далеко отстоящих от них во времени и пространстве гренландских эскимосов. Так, в собрании гренландско-эскимосских сказок Холтведа обнаруживаем сходные с азиатско-эскимосскими сюжеты о девушке, не желающей выходить замуж (текст № 11), мифологические сюжеты о перевоплощении человека или его души в животных (текст № 131 и др.), о чудесной помощи сироте со стороны умерших предков (текст № 18а), мифы о великанах и карликах (текст № 27), о сиротах, которым помогают их бабушки и волшебные амулеты (тексты № 33, 34), о брачных союзах людей с животными (тексты № 36, 39 и др.), о жилищах месяца и солнца на небе и открывающихся отверстиях, через которые виден зеленый мир, о происхождении грома и т. д. Эти космогонические предания, возникшие на заре становления эскимосской этнической общности, в различной степени и формах сохранились также у азиатских эскимосов, от которых они перешли частично в чукотский фольклор и в фольклор коряков и ительменов. Что же касается жанров героических сказаний, исторических преданий и бытовых рассказов, то они возникали и развивались преимущественно в условиях контактирования чукчей, азиатских эскимосов, коряков, кереков, ительменов, а также в среде каждой из этих народностей в отдельности (особенно бытовые рассказы).

Трудность полной и научно обоснованной классификации жанров палеоазиатского фольклора заключается в том, что в специальной литературе нет еще единых принципов в этом важном теоретическом вопросе. Кроме того, фольклор палеоазиатов в целом не достиг сколько-нибудь определенного выделения отдельных жанров. Особенно это относится к произведениям устного творчества, возникшим на основе мифических преданий, дошедших до нашего времени лишь в значительно измененном виде в соединении с другими жанрами. Так, например, сказки об ительменском и корякском мифическом вороне Кутхе — Куткыннеку, развившиеся на основе древних космогонических преданий, в настоящее время можно относить к мифам лишь в плане генетическом, поскольку Кутх ныне выступает героем не только космогонических преданий (меньше всего), но и героем волшебной сказки и сказки о животных. Из ранних космогонических преданий в ходе исторического развития этого вида фольклора, как можно предполагать, возникло несколько жанров. То же следует сказать и о других видах устного художественного творчества палеоазиатов, когда в одном и том же повествовании контаминируется несколько произведений, относящихся к различным жанрам.

В целях сравнительной характеристики образцов устного художественного творчества народностей чукотско-камчатского региона в целом здесь дается общая классификация его по жанрам, которые в той или иной степени выделяются в устном творчестве каждой из перечисленных выше народностей. При этом учитывается, что зафиксированный собирателями фактический материал далеко еще не достаточен и во многом сложен в

сюжетной и жанровой отношении, поэтому в представляемых здесь характеристиках и заключениях могут также обнаружиться неточности. Однако, как представляется, такая классификационная схема, сравнение текстов по жанрам и сюжетам, а главное — чтение самих текстов, помогут читателю получить общее представление о фольклоре чукчей, азиатских эскимосов, кереков, коряков и ительменов в целом и о локальных особенностях фольклора каждой народности в отдельности.

К основным жанрам устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки, включая азиатских эскимосов, согласно отмеченным выше классификационным схемам чукотского и эскимосского фольклора и бытующим видам этого словесного народного искусства у коряков и ительменов, можно отнести следующие: 1) мифические (или космогонические) предания; 2) волшебнo-мифические сказки с подразделами: а) волшебнo-героические сказки о фантастических похождениях героев по разным мирам и их борьбе с враждебными силами, б) сказки о кэле, нынвитах и тунгаках, в) сказки о дружественных и брачных союзах человека и животного, г) сказки о непокорной дочери, д) сказки о сироте, е) сказки о шаманах; 3) героические сказания; 4) исторические предания; 5) сказки о животных; 6) бытовые сказки (рассказы); 7) заговоры; 8) песни; 9) загадки (последние отмечены только у коряков).

Поскольку в одном и том же произведении, относящемся к ранним видам устного художественного творчества (мифические предания, волшебнo-мифические сказки, сказки о животных), часто объединяется несколько сюжетов различных жанров, то отнесение данного произведения к одному из них оказывается часто затруднительным. Между тем отмеченные жанры в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки как в чистом, так и в контаминированном виде существуют, поэтому приведенная классификация может оказаться полезной для читателя, хотя она и не претендует на какую-либо завершенность.

Мифические предания, как самый ранний вид устного творчества, непосредственно отражающего древние мифологические представления палеоазиатов о происхождении мира, людей, животных, небесных светил, в чукотско-камчатском фольклоре получили повсеместное распространение. Наиболее яркие образцы космогонических мифов впервые были зафиксированы В. Г. Богоразом у чукчей, которые называли их *тоттом-ваткэн пынылтэ* («начала творения вести») ²⁰.

Фантастические образы, мифические герои в фольклоре палеоазиатов связаны с конкретной производственной и духовной жизнью создателей древних мифов. У палеоазиатов, как и у других народов, на ранних этапах их исторического развития познание явлений природы осуществлялось через бессознательно художественную переработку представлений об окру-

²⁰ Богораз, 1900, стр. IV.